

текст

Андрей БархинАрхитектурная мастерская
Максима Атаянца /

text

Andrey BarkhinMaxim Atayants
Architectural Studio

1. Проект Дворца Советов (415 м) унаследовал и ребристо-уступчатую стилистику, и само силуэтное решение Метрополитен-иншуренс-билдинг (с проектной высотой 410 м). Строительство этого небоскреба, начатое в Нью-Йорке в 1928 году, было затем приостановлено из-за финансового кризиса, осуществлены были лишь первые ярусы башни высотой 137 м. В 1935 году описание проекта и фото с макета небоскреба были опубликованы в журнале «Архитектура СССР» [1, с. 59].

2. В проекте первого тура конкурса Б. М. Иофан уже предлагает ребристую, телескопичную башню, увенчанную статуей Освобожденного Пролетария. И коллеги сразу отметили источник вдохновения ее форм: «...башня напоминает американские небоскребы», – написал А. В. Щусев в своем отзыве [2, с. 76].

В 1932 году конкурс на Дворец Советов формально провозгласил курс на «освоение классического наследия». С этого момента советские архитекторы с увлечением обратились к мотивам итальянского ренессанса и традиции отечественной дореволюционной архитектуры. Однако в 1934 году Дворец Советов был принят к строительству в новаторской, ребристой стилистике и формах ар-деко. И именно такая архитектура развивалась в те годы и за рубежом. Нью-Йорк и Чикаго стали центрами бурного роста числа небоскребов в стиле ар-деко, новый центр Вашингтона был осуществлен в неоклассике. Все это позволяет зафиксировать феномен стилового параллелизма в советской и зарубежной архитектуре 1930-х годов.

Ключевые слова: советская архитектура; 1930–1950-е годы; архитектура ар-деко; советская версия ар-деко; неоклассика. /

In 1932, the competition for the Palace of the Soviets formally proclaimed a focus on “mastering the classical heritage”. From that moment on, Soviet architects turned with passion to Italian Renaissance motifs and the tradition of domestic pre-revolutionary architecture. However, in 1934, the Palace of Soviets was accepted for construction in an innovative, ribbed style and Art Deco forms. In those years, that kind of architecture was developing abroad as well. New York and Chicago became centres of rapid growth in the number of skyscrapers in Art Deco style; the new centre of Washington was worked out in Neoclassical style. All this allows us to record the phenomenon of style parallelism in the Soviet and foreign architecture of the 1930s.

Keywords: Soviet architecture; 1930s-1950s; Art Deco architecture; Soviet version of Art Deco; Neoclassical style.

Стилевые тенденции в советской архитектуре 1930-х / Style trends in Soviet architecture of the 1930s

Советская архитектура предстает эпохой острого соперничества двух крупных направлений – неоклассики и ар-деко. В одни и те же годы возводились и монументальные творения в ордере – неоклассические работы И. В. Жолтовского, Н. А. Троцкого, И. А. Фомина, и памятники советской версии ар-деко как стилового эксперимента, получившего поддержку на самом высоком уровне – творения Б. М. Иофана, Л. В. Руднева, И. А. Голосова, Е. А. Левинсона. Однако какова была в 1930-е годы динамика в становлении этих двух направлений?

Рубежом в поисках нового стиля в предвоенной советской архитектуре стал конкурс на проект Дворца Советов (1932). Однако, обозначив отказ от стилистики авангарда, конструктивизма, конкурс не ограничил эти поиски аутентичной классикой. Первые премии в первом туре конкурса Дворца Советов получили неоклассический проект И. В. Жолтовского и варианты Б. М. Иофана и Г. Гамильтона, трактованные в ар-деко. В 1934 году Дворец Советов обрел окончательные черты и был принят к строительству. Он должен был стать самым высоким зданием в мире и превзойти недавно выстроенные в Нью-Йорке Эмпайр-стейт-билдинг, Рокфеллер-центр и Метрополитен-иншуренс-билдинг¹. Конкуренция в высоте требовала конкуренции в стиле. И именно формы ребристого стиля, ар-деко, позволяли быстро, выразительно и эффектно решить архитектуру Дворца Советов².

В середине 1930-х стиль Дворца Советов был воплощен в целой серии проектов и построек³. Здания Библиотеки им. В. И. Ленина и дом Совнаркома СССР были решены барельефными фризами и каннелированными пилястрами, здание автоматической телефонной станции Фрунзенского района и корпус НКВД на Лубянке были оформлены стройными остроконечными формами, ребрами. Подобным образом выглядели тогда небоскребы США, павильоны СССР на выставках 1937 года в Париже и 1939 года в Нью-Йорке, таким должен был стать и Дворец Советов. И именно эта архитектура позволяет сформулировать основные признаки ар-деко – это геометризация форм историзма, двойственность, неоархаизм и освоение новаций 1910-х годов⁴.

Архитектура Дворца Советов была сложным сплавом самых различных образов и мотивов – исторических, би-

блейских и остромодных, технократических, как в фильме «Метрополис» [3, с. 56–65]. Проект грандиозной башни объединил в своих формах и уступчатый образ Вавилонской башни, и геометризованные неоготические контрфорсы и ребра, а также антовые колонны и пилястры в духе работ И. Хоффмана и Э. Сааринена 1910-х годов⁵. Характерный пирамидальный, уступчатый силуэт Дворца Советов, как и Мавзолея В. И. Ленина, откровенно воплощали в себе увлечение неоархаическими мотивами. Таким образом, творение Б. М. Иофана сочетало в себе все четыре признака стиля ар-деко. И это зримо подтверждало вовлеченность СССР в контекст мировой архитектурной моды.

Конкурс на Дворец Советов радикально изменил вектор развития советской архитектуры. После 1932 года стилистика авангарда, конструктивизма оказалась под запретом, и мастера должны были искать уже иные средства выразительности⁶. Новая архитектура должна была быть уже декоративной и монументальной. Однако каковы были ее истоки?

В 1932 году итоги конкурса на Дворец Советов формально провозгласили курс на «освоение классического наследия». Одну из ключевых ролей в этом процессе сыграло постановление Совета строительства Дворца Советов от 28 февраля 1932 года, именно оно потребовало от архитекторов вести поиски, направленные «к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры» [2, с. 56; 5, с. 14, 15; 6, с. 39]. Однако, несмотря на двойственность формулировок, в дальнейшем эта мысль трактовалась именно с акцентом на «освоении» классики.

Начиная с 1932 года советские архитекторы с увлечением обращались к мотивам итальянского ренессанса и традициям отечественной дореволюционной архитектуры. Однако в 1934 году Дворец Советов был принят к строительству не в классике, а в ребристой стилистике и формах ар-деко. Все это определило в те годы особую сложность, противоречивость отечественной архитектуры.

Показательным в этом отношении стало назначение в 1933 году главами архитектурных мастерских Моссовета мастеров самых различных стиливых

устремлений. Проектные мастерские возглавили И. В. Жолтовский (№ 1), А. В. Щусев (№ 2), И. А. Фомин (№ 3), И. А. Голосов (№ 4), Д. Ф. Фридман (№ 5), К. С. Мельников (№ 7) и др., планировочные мастерские – Б. М. Иофан (№ 2), М. Я. Гинзбург (№ 3), Г. Б. Бархин (№ 4), Н. А. Ладовский (№ 5) и др. [8, с. 30]. Очевидно, что эти мастера не могли сформировать стилистически единый коллектив. И именно значительное разнообразие, интерес к стиливому эксперименту, а вовсе не доминирование классики продемонстрировали в те годы и проекты, опубликованные в сборнике «Работы архитектурно-планировочных мастерских за 1934 год», и практика 1930-х, объединенная в монументальном альбоме «Советская архитектура за XXX лет РСФСР» [8–10].

В 1934 году, осмысляя итоги конкурса на здание Наркомата тяжелой промышленности, Л. Лисицкий также обращает внимание на это стиливое разнообразие течений советской архитектуры: «Конкурс является доказа-

тельством широчайших исканий советской архитектуры. После отказа от так называемой «функциональной», «конструктивистской», «ящичной» архитектуры, казалось, что декретируется как некий закон архитектурной формы классика, причем классика бралась в своих перезревших, перегруженных формах. В наличных форпроектах мы видим качание стиливого маятника в противоположную сторону. Основной ряд работ можно охарактеризовать как американско-небоскрежный эклектизм» [11, с. 4, 5].

Советская архитектура 1930-х, таким образом, предстает «освоением» не только классики, но и актуальных наработок зарубежного зодчества. Это было время широкого стиливого эксперимента, и отечественные мастера задействовали самые различные стиливые приемы. Подобное разнообразие демонстрировала в те годы и европейская архитектура: чаще всего это была компромиссная стилистика, удаленная и от подлинной классики, и от абстракции авангарда. И именно сопостав-

3. Таковы выстроенные в Москве работы А. Я. Лангмана – дом Совнаркома СССР (с 1934), корпус НКВД на Лубянке (1934) и жилой дом работников НКВД на Покровском бульваре (1936). Таковы были отдельные московские здания А. Ф. Волхонского, Д. Ф. Фридмана, К. С. Мельникова, К. И. Соломонова, а также грандиозное здание Наркомата сухопутных войск на Фрунзенской набережной (Л. В. Руднев, с 1939). Одним из первых объектов этого круга стало здание Библиотеки им. В. И. Ленина (архитекторы В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейх, с 1928), с книгохранилищем, решенным в ребристом стиле.

4. Двойственность монументов эпохи ар-деко проявлялась по-разному – в контрасте декорации и аскезы, в объединении самых различных форм и мотивов – архаических и остроумных, технократических и растительных. Например, капитель подстанции Московского метрополитена (Д. Ф. Фридман, 1935) воспроизводила форму электроизолятора и одновременно восходила к цветкам папируса древнеегипетских храмов.

5. Ключевым источником для ребристо-ступчатой эстетики ар-деко стал знаменитый проект Э. Сааринена на конкурсе «Чикаго Трибюн» (1922). Однако в этой монументальной эстетике мастер работал еще в 1910-е годы, таковы были вокзал в Хельсинки (1910), ратуши в Лахти (1911) и Йозенсу (1914), церковь в Тарту (1917).

6. В работах, выполненных до и после 1932 года, можно заметить, как правило, больше различий, чем общих черт. Таковы, например, работы И. Голосова или Г. Бархина. Это было радикальное, оформленное в текстах статей изменение творческого почерка [4].

^ Рис. 1. Проект Дворца Советов. Архитектор Б. М. Иофан. 1934 (<https://archi.ru/russia>)

^ Рис. 2. Проект Метрополитен-иншуренс-билдинг. Архитектор Х. В. Корбетт. 1928 (Архитектура СССР. № 7. С. 5)

^ Рис. 3. Здание электростанции Московского метрополитена. Архитектор Д. Ф. Фридман. 1935. Фото автора

^ Рис. 4. Дом Союзпушнины в Ленинграде. Архитектор Д. Ф. Фридман. 1937. Фото автора

7. Вместо циркульных арок мастера стали использовать прямоугольные порталы и рамы, сложные наличники заменять простыми кессонами, а вместо классических деталей рисовать неоегипетские карнизы и выкружки, неархаические уступы и аттики и оставлять колонны без баз и капителей.

8. Так, крупным прямоугольным порталом были решены шедевры ар-деко – здание Дейли-телеграф в Лондоне (Т. Тайт, 1927) и гараж «Ситроен» в Лионе (М.-Ж. Равазе, 1930). Монументальным воплощением этой темы стал главный фасад грандиозного вокзала в Милане – проект, выбранный в 1912 году по итогам конкурса, был задуман с прямоугольными порталами уже в 1915 году и реализован У. Стаккони в 1926–1931 годы.

9. Идею разномощить оконно-кессон и решить им фасад целиком, как клетчатой тканью, впервые предлагал Дж. Ваго в конкурсных проектах на здание «Чикаго Трибюн» (1922) и здание Лиги Наций (1928). Кессонированные фасады предлагали и итальянские архитекторы, в частности П. Аскьери (проект Дворца Корпораций в Риме, 1926) и А. Лимонжелли (проект-концепция

ление с европейскими образцами 1920–1930-х позволяет точнее оценить новации советской архитектуры.

После конкурса на Дворец Советов в отечественной архитектуре начинает формироваться круг проектов и построек советской версии ар-деко. Это были приемы не только ребристого стиля. В моду вошли прямоугольные порталы, кессоны и рамки (Л. В. Руднев, А. И. Гегелло), неоегипетские карнизы-выкружки (И. А. Голосов), вытянутый антовый ордер и уплощенные барельефные фризы (В. А. Шуко, В. Г. Гельфрейх), различные фантазийно-геометризованные детали (Д. Ф. Фридман, Е. А. Левинсон). Таковы были в 1930-е годы архитектурные приемы советского ар-деко. Причем подобные формы можно было увидеть в те годы и в Европе. И причина тому – общие истоки, новации эпохи 1910-х.

Впервые пластические приемы ар-деко возникают еще до Первой мировой войны. Таковы были кессоны и геометризованный ордер Театра Елисейских Полей О. Перре, прямоугольные порталы грандиозного вокзала в Милане, геометризованные детали в работах Н. В. Васильева и А. Ф. Бубыря в Петербурге, вытянутый ордер и уступчатый силуэт башни Дворца Стокле, созданного Й. Хоффманом, ребристый стиль монументальных творений Э. Сааринена. Таковы были характерные черты памятников раннего ар-деко 1900–1910-х годов, но не авангарда: постройки советского конструктивизма таких деталей уже не содержали. И потому подобную практику 1930-х было бы точнее рассматривать не как пример позднего авангарда, «постконструктивизма», а как часть общемирового художественного процесса, как образец советской версии ар-деко.

Архитекторы предвоенного десятилетия в СССР были увлечены ключевой идеей стиля ар-деко – геометризацией архитектурной формы⁷. Подобное упрощение пластики, как кажется, должно было быть реализацией в СССР некой «пролетарской эстетики». Однако в 1910–1930-е подобные приемы использовали и зарубежные мастера, и потому объекты в Москве и Ленинграде напоминали тогда застройку Рима и Парижа.

Так, в 1910–1930-е годы у архитекторов в моду вошел вытянутый геометризованный ордер, и его трактов-

ка в духе ар-деко была разнообразна – от роскошной (Библиотека им. В. И. Ленина) до аскетичной (дом «Динамо»). Это был широкий пласт памятников, которые можно обнаружить в самых разных городах Европы и СССР. Таковы изысканные работы Е. А. Левинсона в Ленинграде, подобным образом решены многочисленные здания в Италии эпохи Муссолини. В Париже вытянутым геометризованным орденом были решены дворец Порт-Доре (А. Лапрад, 1931), Музей современного искусства (1937) и дворец Шайо (1937) [12].

Геометризация архитектурной формы стала в 1910–1930-е годы общемировой стилиевой тенденцией. Здания, решенные характерными прямоугольными порталами, можно было встретить в Лондоне, Лионе, Милане, Палермо⁸. Прямоугольный ордер в 1930-е использовался повсеместно – от СССР и США до Франции и Италии. Кессонированные фасады военных министерств Л. В. Руднева в Москве можно было бы считать неким образцом «тоталитарной архитектуры». Однако подобные стилиевые варианты предлагали тогда и европейские мастера, например Дж. Ваго, А. Лимонжелли и Ж. Андре⁹. Таков был общий пластический язык 1910–1930-х, но наиболее выразительное и масштабное воплощение эти приемы получили именно в архитектурной практике СССР.

Советская архитектура 1930-х годов была разнообразна, но аналогична стилиевому развитию за рубежом¹⁰. И в СССР, и в США это было время острого соперничества неоклассики и ар-деко. Монументы двух стилей стремительно возводили одновременно и рядом – такова была застройка Центр-стрит в Нью-Йорке и Ла-Саль-стрит в Чикаго. В 1934 году это соперничество обрело в Москве формы реально осуществляемой архитектуры: рядом с только что законченным неопалладианским домом И. В. Жолтовского на Моховой улице начали возводить грандиозный дом Совнаркома СССР, это был монументальный образец ребристого стиля Дворца Советов. И если Б. М. Иофан стремился превзойти небоскребы Нью-Йорка, то работы И. В. Жолтовского и его коллег стали ответом постройкам фирмы «Мак Ким, Мид энд Уайт» и ансамблю Вашингтона, где в неоклассическом стиле в 1910–1930-е было выстроено более 30 административных и общественных зданий.

Все это позволяет зафиксировать феномен стилового параллелизма в советской и зарубежной архитектуре 1930-х. Особенно ярко это совпадение стиливых тенденций в СССР и США проявилось в начале 1930-х годов. Но в целом это было пересечение противоположных по знаку тенденций. Крах на биржах 1929 года и начало Великой депрессии в США почти остановили возведение небоскребов ар-деко, архитектурные формы становились все аскетичнее и в Европе, в частности в Италии. В СССР же декоративность все сильнее набирала вес и достигла своего апогея в триумфальной послевоенной архитектуре.

Однако какова была судьба советской версии ар-деко и почему это направление почти не получило своего развития в 1945–1955 годы?

Расцвет советской версии ар-деко пришелся на первую половину 1930-х годов, когда итоги конкурса на Дворец Советов открыли отечественным мастерам возможность работать с мотивами мировой архитектуры,

создавать совершенно новые композиции и фантазийно-геометризованные детали. Таковы были оригинальные работы Б. М. Иофана, Л. В. Руднева, И. А. Голосова, Е. А. Левинсона и других мастеров, увлеченных идеями декоративного усложнения и близкого ар-деко пластического эксперимента, геометризации архитектурных форм и отказа от канонов классического ордера.

Однако в предвоенное десятилетие советская архитектура претерпела еще одну смену стилового направления, пусть и менее резкую. Во второй половине 1930-х годов стала набирать свою силу другая, противоположная по вектору стилового направления – «академизация», возвращавшая формам их классическую трактовку. Это был откровенный шаг назад, от экспериментальных форм к традиции.

Таковы были неоклассические проекты мастеров, еще недавно готовых к стиливым новациям, – Л. В. Руднева (на конкурсе Дома Советов в Ленинграде, 1936) и В. А. Щуко (для Дворца куль-

реконструкции Милана с отелем и концертным залом, 1927, и проект здания Центральной почты в Неаполе, 1930). Однако все эти проекты остались на бумаге. Осуществить этот мотив впервые удалось в архитектуре здания Зоологического института в Нанси (Ж. Андре, 1932).

10. Лозунг «Догоним и перегоним», призывающий сократить экономическое отставание от капиталистических стран, появился еще в речах В. И. Ленина (1917) и И. В. Сталина (1927, 1931). Так мыслили лидеры страны, так говорило искусство. В 1929 году был выпущен выразительный плакат «Кто кого? Догнать и перегнать», В. В. Маяковский упоминает этот лозунг в своем стихотворении «Американцы удивляются» (1929).

v Рис. 5. Дом Совнаркома СССР. Архитектор А. Я. Лангман. 1934. Фото автора

11. Шаги в сторону традиционных форм во второй половине 1930-х стали совершать архитекторы, которые еще недавно были готовы работать экспериментально. Например, Д. Ф. Фридман, автор серии зданий, выстроенных в Москве в новаторской, близкой к ар-деко манере, – электроподстанции метро (1935) с неогипетскими капителями, домов Метростроя (1934) с карнизами-выкружками; Д. Н. Чечулин, участник конкурса на Дворец Советов, автор проектов в ребристом ар-деко – дома Аэрофлота у Белорусского вокзала (1934), напоминающего Риверсайд-плаза в Чикаго (1929), и Большого академического кинотеатра на Театральной площади (1936). Однако начиная со второй половины 1930-х эти мастера старались уже не экспериментировать, а следовать в общем стилевом русле.

туры в Куйбышеве, 1936). Таковы были неоклассические постройки Д. Ф. Фридмана (Дом Союзпушнины в Ленинграде, 1937) и Д. Н. Чечулина (концертный зал им. П. И. Чайковского, 1940), а также работы, в которых принимал участие М. Г. Бархин, достаточно сравнить экспериментальный, геометризованный стиль проекта театра в Минске (1934) и неоренессансные мотивы в архитектуре его жилого дома на Ленинском проспекте (1939)¹¹.

Одним из первых таких случаев возвращения от языка ар-деко к классике были работы И. Г. Лангбарда. В 1935 году мастер был привлечен для завершения здания Академии наук в Минске, где он возводил колоннаду аскетичного ордера (еще в стиле дома «Динамо» И. А. Фомина). И в том же году Лангбард победил в конкурсе на проект административного центра Киева. Здание ЦК КП (б) У было решено посредством схожей темы грандиозной колоннады, однако трактованной уже в чистой классике, здание было построено во второй половине 1930-х.

Рубежом в этом процессе «возвращения к классике» стали критические статьи 1936 года и начало «борьбы с упрощенчеством и формализмом», провозглашение соцреализма в архитектуре на Первом съезде советских архитекторов в 1937 году, начало массовых репрессий¹². В 1937-м был закрыт журнал «Архитектура за рубежом»¹³.

Иллюстрирует эту трансформацию середины 1930-х годов усиление консервативных, анонимных, неоклассических черт в архитектуре – проектирование и строительство здания Центрального театра Красной Армии в Москве (К. С. Алабян, В. Н. Симбирцев). Один из первоначальных вариантов проекта был выполнен в макете и опубликован в 1934 году, он был решен в формах ар-деко. Однако при реализации все детали театра были уже трактованы академично (вызывая в памяти русты дворца Фарнезе в Капрароле и барабан церкви Санта-Мария-делле-Грацие в Милане)¹⁴. Застройка ответственных московских магистралей – Ленинского, Кутузовского

^ Рис. 6. Здание Театра оперы и балета в Минске. Архитектор И. Г. Лангбард, 1934. Фото автора

^ Рис. 7. Здание ЦК Коммунистической партии Украины в Киеве. Архитектор И. Г. Лангбард, 1935–1939 (<https://it.wikipedia.org>)

и Ленинградского проспектов, осуществленная в конце 1930-х – 1940-е годы, была уже реализована исключительно в неоклассическом стиле.

В 1940-м году Н. А. Троцкий, делая в своей статье краткий обзор течений советской архитектуры, рассматривал работы Л. В. Руднева и Е. А. Левинсона уже именно в контексте «ковсвоения классического наследия», хотя в действительности постройки этих мастеров были крайне оригинальны и далеки от палладианского канона. При этом оригинальные работы И. А. Голосова Троцкий в своей статье не упоминает вовсе, а о проектах Б. М. Иофана и А. Я. Лангмана высказывается почти критически: «Арх. Б. М. Иофан – создатель Парижского павильона, автор Дворца Советов, обладающая большой эмоциональной направленностью и художественным темпераментом, вместе с тем часто впадает в приторность американского супрематизма или немецкого модерна... Попутно с этим хочется упомянуть о здании Совнаркома СССР арх. А. Я. Лангмана, которое, обладая в деталях некоторыми чертами американского небоскреба, является вместе с тем очень выразительным и, несомненно, входит в ряды первых сооружений нашего стиля» [18].

Таким образом, в течение десяти предвоенных лет советская архитектура оказалась под воздействием двух противоположных тенденций. Первая волна стилевых изменений сформировала советскую версию ар-деко, вторая волна была обращена к традиции, неоклассической и национальной. Эти перемены в середине 1930-х можно проиллюстрировать и образцами декоративно-прикладного искусства, и на примере советского кино [19, с. 196–206; 20, с. 195–209]. Так, если в фильме «Цирк» (1936) эстетика ар-деко была представлена в изобилии, то всего через два года на экраны был выпущен фильм «Александр Невский» (1938), ставший выразительным и монументальным воплощением национальной стилизации.

Все это предопределяет особую сложность в осмыслении советского архитектурного наследия 1930-х. Это был период быстрой смены допустимого и легального в вопросах стилевой трактовки архитектуры. На первом этапе, в 1932–1936 годах, в качестве новой альтернативы классике и авангарду выступила советская версия ар-деко. Это было освоение общемировой архитектурной моды – эксперимент, который обрел поддержку на самом

12. Опубликованные в феврале и марте 1936 года десять критических статей были направлены не просто против идеи авангарда или ар-деко, но против творческой инициативы как таковой. Ключевой для советских архитекторов среди них была статья Каро Алабяна «Против формализма, упрощенчества, эклектики». Подробнее см.: [10, 13–15].

13. Как указывает А. Н. Селиванова, в середине 1930-х годов было репрессировано руководство Академии архитектуры – проректор А. Я. Александров, ректор М. В. Крюков, ученый секретарь Академии и главный редактор журнала «Архитектура за рубежом» Г. М. Людвиг (остался жив). Были репрессированы начальник строительства Дворца Советов В. М. Михайлов, главный архитектор ВСХВ В. К. Олтаржевский (остался жив), отправлены в ссылку – историки архитектуры А. Г. Габричевский и Л. И. Ремпель [15; 16].

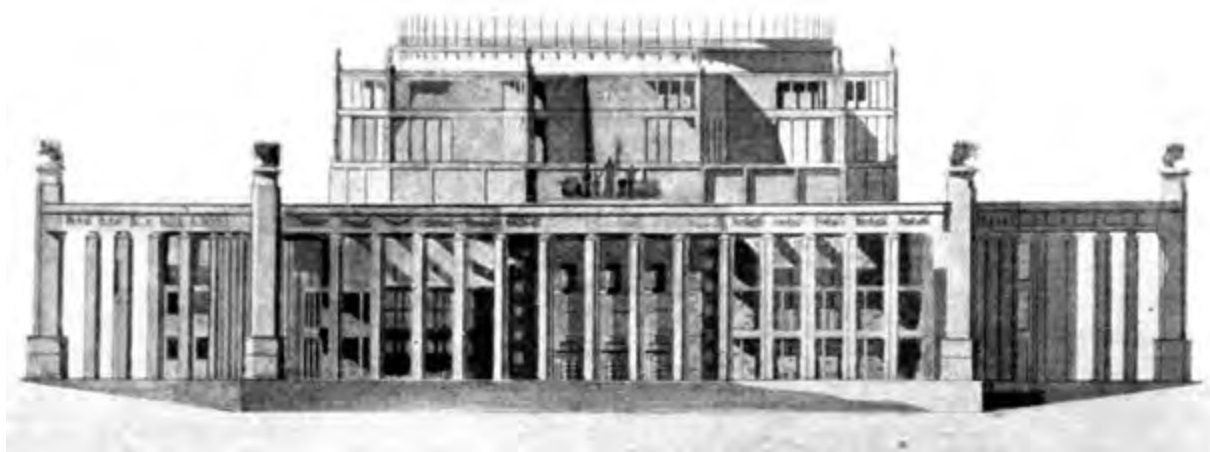
14. Здание Театра Красной Армии было осуществлено с роскошным неоклассическим портиком, с капителями в стиле храма Весты в Тиволи. Изящным украшением экстерьера театра стало использование мотива окулуса Пантеона, круглых отверстий в кровле по углам пятиконечной звезды здания (эти окулусы были, к сожалению, перекрыты при очередном ремонте в 2000-е). Первоначальный проект – см.: [17].

< Рис. 8. Проект Центрального дома Аэрофлота. Архитектор Д. Н. Чечулин. 1934 (Архитектура СССР. 1935. № 1. С. 22)

< Рис. 9. Концертный зал им. П. И. Чайковского. Архитектор Д. Н. Чечулин. 1940 (<https://ru.wikipedia.org>)

15. В сложной декоративной манере, обращенной к традиционной народной архитектуре, были возведены театр в Ереване (А. Таманян, с 1926), здание правительства Азербайджана в Баку (Л. Руднев, с 1936) и театр в Ташкенте (А. Щусев, с 1934). В Москве с использованием неорусских мотивов были выстроены жилые дома А. Мордвинова на Большой Полянке (1939) и ул. Горького (1940), в национальных формах были задуманы отдельные павильоны ВСХВ (1939). После войны по схожим принципам были осуществлены московские высотные здания (1948–1953).

16. Исключением стало высотное здание МИД В. Гельфрейха, М. Минкуса (1948–1952).

^ Рис. 11. Проект Театра Красной армии. Архитекторы К. С. Алабян и В. Н. Симбирцев. 1934 [17, с. 6]

высоком уровне. В 1934 году был принят к строительству проект Дворца Советов в ребристом ар-деко, а также возведен грандиозный дом Совнаркома СССР. Однако во второй половине 1930-х новая эстетика начинает постепенно терять свои ведущие позиции.

Лидеры советской архитектуры Б. М. Иофан, И. А. Голосов, Е. А. Левинсон, А. Я. Лангман, Л. В. Руднев, Д. Ф. Фридман, В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейх продолжали работать в выбранной оригинальной стилистике и во второй половине предвоенного десятилетия (или, как правило, завершать уже начатое). В конце 1930-х по проектам Б. М. Иофана в стиле Дворца Советов были возведены павильоны СССР на международных выставках 1937 года в Париже и 1939-го в Нью-Йорке. В конце 1930-х были задуманы и осуществлены станции метро «Бауманская» (1938), «Электrozаводская» (1939). И тем не менее начиная с середины 1930-х годов в работах отечественных мастеров можно наблюдать постепенное усиление консервативных, неоклассических черт архитектуры, отказ от эксперимента, близкого ар-деко, и даже возникновение первых образцов национальных стилизаций¹⁵. Итогом этих тенденций станет стилистика советской послевоенной архитектуры. Дворец Советов как главное сооружение эпохи 1930-х так и не был построен.

В эпоху 1945–1955 годов в стилистике ар-деко в СССР уже почти не работали¹⁶. Это стилевое измене-

ние не в последнюю очередь было связано со сменой состава практикующих архитекторов. К этому времени уже ушли из жизни И. А. Фомин (1936), В. А. Щуко (1939), Н. А. Троцкий (1940), И. А. Голосов (1945). отошли либо были отстранены от активной практики Д. Ф. Фридман, И. Г. Лангбард и Б. М. Иофан. Другие архитекторы радикально сменили стиль своей работы, например Л. В. Руднев, А. Н. Душкин и Е. А. Левинсон. И только И. В. Жолтовский смог сохранить в послевоенные годы свою манеру 1930-х. Неоренессанс был, видимо, наиболее близок к эталону советской архитектуры в представлениях высшего руководства страны.

Таким образом, в советской архитектуре 1930-х можно наблюдать своеобразное наложение двух противоположных стилевых тенденций и идей – фантазийной геометрии в рамках освоения мировой художественной моды ар-деко и «академизации» архитектуры, т. е. вектора, направленного на отказ от этих наработок. И именно это делает оригинальные постройки И. А. Голосова, Л. В. Руднева и Е. А. Левинсона 1930-х годов столь уникальными. Все это позволяет увидеть в советском искусстве и архитектуре 1930–1950-х не тоталитарный монолит, так называемый сталинский ампиризм, а эпоху параллельного развития нескольких течений, период активного взаимодействия и миграции общемировых художественных мотивов.

Литература

1. Архитектура СССР. – 1935. – № 9. – 76 с.
2. Дворец Советов СССР. Всесоюзный конкурс. – Москва : Всекохудожник, 1933. – 132 с.
3. Бархин, А. Д. Ребристый стиль Дворца Советов Б. М. Иофана и неорархизм в архитектуре 1920–1930-х // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 3. – С. 56–65.
4. Голосов, И. А. Мой творческий метод // Архитектура СССР. – 1933. – № 1. – С. 23–25.
5. Архитектура Дворца Советов : материалы V пленума правления Союза советских архитекторов СССР (1–4 июля 1939 года) / ред. И. Г. Сушкевич. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1939. – 112 с.
6. Колли, Н. Я. Задачи советской архитектуры: основные этапы развития советской архитектуры. – Москва : Изд-во Всесоюз. академии архитектуры, 1937. – 54 с.

> Рис. 10. Проект Театра Красной Армии. Архитекторы К. С. Алабян и В. Н. Симбирцев. 1934 [17, с. 8]

< Рис. 12. Театр Красной Армии. Архитекторы К. С. Алабян и В. Н. Симбирцев. 1940. Фото автора

7. Броницкая, Н. Н. Памятники архитектуры Москвы. Т. 9: Архитектура Москвы 1910–1935 гг. – Москва : Искусство – XXI век, 2012. – 356 с.
8. Работы архитектурно-планировочных мастерских за 1934 год. – Москва : Изд. Отдела проектирования Моссовета, 1936. – Т. 1. – 245 с.
9. Советская архитектура за XXX лет РСФСР : альбом / под ред. В. А. Шварикова ; Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950.
10. Старостенко, Ю. Д. От «сумбура вместо музыки» к «какофонии в архитектуре»: борьба с формализмом в советской архитектуре в 1930-е гг. // Научные школы в музыковедении XXI века: к 125-летию учебных заведений им. Гнесиных. – Москва : Росс. академия музыки им. Гнесиных, 2020. – С. 407–415.
11. Лисицкий, Л. М. Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. – 1934. – № 10. – С. 4–5.
12. Бархин, А. Д. Геометризация ордера в творчестве И. А. Фомина и В. А. Щуко 1920–1930-х // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2019. – № 4, ч. 1. – С. 11–24.
13. Алабян, К. С. Против формализма, упрощенчества, эклектики // Архитектура СССР. – 1936. – № 4. – 80 с.
14. Морозов, А. И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. – Москва : Галарт, 1995. – 224 с.
15. Селиванова, А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. – Москва : БуксМАрт, 2019. – 320 с.
16. Зубович, К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма. – Москва : Corpus, 2023. – 480 с.
17. Архитектура СССР. – 1934. – № 4. – С. 3–10.
18. Троицкий, Н. А. О социалистическом реализме в архитектуре // Архитектура СССР. – 1940. – № 7. – С. 53–54.
19. Астраханцева, Т. Л. К проблеме «большого стиля» в советском декоративно-прикладном искусстве 1930–1950-х годов // XX век: Эпоха. Человек. Вещь. – Москва : Новый индекс, 2001. – С. 196–206.
20. Астраханцева, Т. Л. Интерьер и традиции художественного металла в убранстве московского метро 1930–1950-х гг. // Художественный металл в русской культуре. Серия «Сохранение и возрождение фольклорных традиций». Вып. 14 : Сборник материалов науч. конференции. – Москва, 2006. – С. 195–209.

References

- Alabyan, K. S. (1936). Protiv formalizma, uproschenchestva, eklektiki [Against formalism, simplification, eclecticism]. *Architecture of the USSR*, 4.
- Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]. (1934). №4, 3-10.
- Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]. (1935). №9.

- Astrakhantseva, T. L. (2001). K probleme “bolshogo stilya” v sovetskom dekorativno-prikladnom iskusstve 1930-50-h godov [To the problem of “great style” in Soviet decorative-applied art in the 1930-50s]. In *XX vek: Epoha. Chelovek. Veshch* (pp. 196-206). Moscow: Novyj indeks.
- Astrakhantseva, T. L. (2006). Interer i tradicii hudozhestvennogo metalla v ubranstve moskovskogo metro 1930-1950-h gg. [Interior and traditions of art metal in the decoration of the Moscow subway in the 1930-1950s]. In *Hudozhestvennyj metall v russkoj kulture. Seriya: Sohranenie i vrozozhdenie folklornyh tradicij. Scientific conference proceedings* (Issue 14, pp. 195–209). Moscow.
- Barkhin, A. D. (2016). Ribbed Style of the Palace of Soviets and Archaic Motives in Architecture 1920-1930. *Academia. Architecture and construction*, 3, 56-65.
- Barkhin, A. D. (2019). Geometrization of the order in the works of I. A. Fomin and V. A. Shchuko 1920-1930-h. [Geometrization of the order in the works of I. A. Fomin and V. A. Shchuko in 1920-1930s.] *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA*, 4(1), 11-24.
- Bronovitskaya, N. N. (2012). Pamyatniki arhitektury Moskvy. Tom 9. Arhitektura Moskvy 1910-1935 gg. [Monuments of Architecture of Moscow. Vol. 9. Architecture of Moscow 1910-1935]. Moscow: Iskusstvo – XXI vek.
- Dvorec Sovetov SSSR. Vsesoyuznyj konkurs. [Palace of Soviets of the USSR. All-Union competition]. (1933). Moscow: Vsekhudozhnik.
- Golosov, I. A. (1933). Moj tvorcheskij metod. [My creative method.] *Architecture of the USSR*, 1, 23-25.
- Kolli, N. Ya. (1937). Zadachi sovetskoj arhitektury: Osnovnye etapy razvitiya sovetskoj arhitektury [Tasks of Soviet Architecture: The main stages of the development of Soviet architecture]. Moscow: Izdatelstvo Vsesoyuznoj akademii arhitektury.
- Lisitsky, L. M. (1934). Forum socialisticheskoy Moskvy. [Forum of Socialist Moscow.] *Architecture of the USSR*, 10, 4-5.
- Morozov, A. I. (1995). Konec utopii. Iz istorii iskusstva v SSSR 1930-h godov. [The End of Utopia. From the History of Art in the USSR in the 1930s.]. Moscow: Galart.
- Raboty arhitekturno-planirovochnyh masterskih za 1934 god [Works of architectural and planning workshops for 1934]. (1936). Vol. 1. Moscow: Izd. Otdela proektirovaniya Mossoveta.
- Selivanova, A. N. (2019). Postkonstruktivizm. Vlast i arhitektura v 1930-e gody v SSSR. [Post-constructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow: BuksMArt.
- Shkvarikov, V. A. (Ed.). (1950). Sovetskaya arhitektura za XXX let RSFSR: Albom [Soviet architecture within 30 years of the RSFSR: Album]. Upravlenie po delam arhitektury pri Sovete Ministrov RSFSR. Moscow: Izdatelstvo Akademii arhitektury SSSR.
- Starostenko, Yu. D. (2020). Ot “sumbura vmesto muzyki” k “kakofonii v arhitekture”: Borba s formalizmom v sovetskoj arhitekture v 1930-e gg. [From “mess instead of music” to “cacophony in architecture”: The struggle against formalism in Soviet architecture in the 1930s]. In *Nauchnye shkoly v muzykovedenii XXI veka: k 125-letiyu uchebnyh zavedenij imeni Gnesinyh* (pp. 407-415). Moscow: Rossijskaya akademiya muzyki imeni Gnesinyh.
- Sushkevich, I. G. (Ed.). (1939). Arhitektura Dvorca Sovetov. Materialy V plenuma pravleniya Soyuza Sovetskikh arhitektorov SSSR [The Architecture of the Palace of Soviets. Materials of the V Plenum of the Union of Soviet Architects of the USSR]. Moscow: Academy of Architecture of the USSR.
- Trotsky, N. A. (1940). O socialisticheskom realizme v arhitekture. [On Socialist Realism in Architecture]. *Architecture of the USSR*, 7, 53-54.
- Zubovich, K. (2023). Moskva monumentalnaya. Vysotki i gorodskaya zhizn v epohu stalinizma [Moscow Monumental. High-Rise Buildings and Urban Life in the Age of Stalinism]. Moscow: Corpus.